МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

Научный журнал

2012 **№ 3 (19)**

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-29496 от 27 сентября 2007 г.

Журнал входит в "Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук", Высшей аттестационной комиссии

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ФИЛОЛОГИЯ»

Демешкина Т.А., д-р филол. наук, проф., зав. каф. русского языка, декан филологического факультета (председатель); Айзикова И.А., д-р филол. наук, проф., зав. каф. общего литературоведения, издательского дела и редактирования (зам. председателя); Ершов Ю.М., канд. филол. наук, доц., зав. каф. телерадиожурналистики, декан факультета журналистики (зам. председателя); Катунин Д.А., канд. филол. наук, доц. каф. общего, славяно-русского языкознания и классической филологии (отв. секретарь); Каминский П.П., канд. филол. наук, доц. каф. теории и практики журналистики (зам. отв. секретаря); Дронова Л.П., д-р филол. наук, проф. каф. общего, славяно-русского языкознания и классической филологии; Иванцова Е.В., д-р филол. наук, проф. каф. русского языка; Кручевская Г.В., канд. филол. наук, доц., зав. каф. теории и практики журналистики; Резанова З.И., д-р филол. наук, проф., зав. каф. общего, славяно-русского языкознания и классической филологии; Рыбальченко Т.Л., канд. филол. наук, доц. каф. истории русской литературы XX века; Суханов В.А., д-р филол. наук, проф., зав. каф. истории русской литературы XX века; Янушкевич А.С., д-р филол. наук, проф., зав. каф. русской и зарубежной литературы.

© Томский государственный университет, 2012

2012 Филология №3(19)

УДК 808.2-087

С.В. Волошина, Т.А. Демешкина

МИРОМОДЕЛИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕЧЕВОГО ЖАНРА (НА МАТЕРИАЛЕ ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ)

В статье предлагается один из способов миромоделирования диалектного дискурса через обращение к речевым жанрам и их описанию в когнитивном и дискурсивном аспектах. Названные аспекты анализа рассматриваются на материале русских говоров среднего Приобья. Исследуются типичные для диалектной коммуникации речевые жанры автобиографического рассказа и воспоминания, для которых характерна особая концептуализация памяти. Описываются ценностная картина мира и имеющие дискурсивную специфику жанрообразующие концепты «жизнь» и «работа».

Ключевые слова: *речевые жанры, диалектный дискурс, концепт, автобиографический рассказ, воспоминание.*

Жанроведение – относительно новое, но уже сложившееся направление в современной лингвистике. Речевые жанры сегодня изучаются в разных аспектах: когнитивном, риторическом, дискурсивном, лингвокультурологическом и др. Проблемы генристики решаются на материале разных языков и вариантов одного и того же языка: литературном, диалектном.

Речевые жанры, предполагающие некую устойчивую основу, отражают тот или иной фрагмент реальности, воплощенный в определенных языковых структурах. В зависимости от условий порождения, ситуации человек использует уже готовые структуры, обладающие миромоделирующим потенциалом.

Несмотря на то, что в науке единого понимания речевого жанра не выработано, большинство современных исследователей сходятся во мнении, что речевой жанр обладает миромоделирующим потенциалом и является полем реализации определенного спектра ценностей [1]. Таким образом, анализ речевого жанра позволяет выявить определенные ключевые концепты той или иной культуры и ценностную картину мира. Соответственно, исследование миромоделирующего потенциала речевого жанра предполагает обращение к когнитивной и дискурсивной парадигме анализа.

Цель данной статьи состоит в выявлении миромоделирующих возможностей речевых жанров диалектной коммуникации. Исследование проводилось на материале русских говоров Среднего Приобья, получивших комплексную лексикографическую обработку в трудах томских исследователей (более подробно см.: [2]).

Диалект представляет собой форму коммуникации, имеющую свою систему речевых жанров, отличающуюся в качественном и количественном отношении от системы жанров литературного языка и обнаруживающую специфические диалектные признаки.

Одной из важнейших функций диалекта как устной формы коммуникации является передача культурно значимой информации от одного поколения

к другому, воплощенной в систему жанровых форм. Ядерными в этом отношении являются речевые жанры воспоминания и автобиографического рассказа.

Воспоминание и автобиографический рассказ – типичные для диалектной речи комплексные информативные речевые жанры. Оба жанра имеют ретроспективную направленность. В речевой жанр воспоминания информанты облекают рассказы о событиях как своего прошлого, так и прошлого семьи, страны и других событий, не касающихся их жизни. Речевой жанр автобиографического рассказа – эгоцентричный, весь рассказ строится на воспоминании о себе и своем прошлом. Кроме этого, речевой жанр автобиографического рассказа может включать повествование не только о прошедших событиях, но и повествование о современной жизни информанта. Безусловно, эти жанры характеризуются большим количеством общих параметров, и один жанр может включаться в состав другого. Однако наличие текстов воспоминаний, в которых преобладает информация не только о своем жизненном пути, представляет определенную сложность в идентификации жанра. В данном случае следует выделить ту или иную жанровую доминанту.

В анализируемом аспекте к жанру автобиографии относятся два типа текстов: 1) тексты, в которых преобладает автобиографическая доминанта, – это рассказы о своей жизни в настоящем и прошлом времени; 2) тексты, в которых повествуется о своей жизни, но включается часть воспоминаний.

Тексты, в которых доминируют воспоминания о тех или иных событиях и практически не содержатся сведения личного характера, мы относим к текстам-воспоминаниям. Ярким признаком речевого жанра воспоминания является наличие авторизационных показателей, указывающих на носителей информации: представителей старшего поколения, близких родственников: *Старики рассказывали; Мама сказывала.*

Дискурсивный анализ исследуемых речевых жанров позволяет выявить определенный набор тем, раскрываемых в речевых жанрах, определить гендерные особенности в построении жанра, выявить характерные признаки. Анализируемые речевые жанры имеют устойчивую структуру с набором постоянных и переменных параметров и имеют общие и различающие их черты. Прежде всего, отметим, что речевой жанр воспоминания и речевой жанр автобиографического рассказа характеризуются определенным набором тем, которые могут быть одинаковыми для двух жанров. Так, в речевом жанре воспоминания раскрываются темы, касающиеся личной жизни информанта и глобальных, масштабных, социальных событий, происходивших не с ним, но имевших влияние на его жизнь. Это могут быть воспоминания о войне, о политических деятелях, руководителях государства. Частотными являются рассказы о прошлом села, о празднованиях, развлечениях; о важных событиях в личной жизни (свадьба, рождение детей, сватовство), о посещении других городов, путешествиях, «выходах» за пределы «своего» (диалектного) мира, о социально-экономическом уровне жизни, о работе, воспоминания о человеке, о людях. В коммуникативный фокус попадают циклично повторяющиеся события, организующие деревенскую жизнь: покос, молотьба, охота, рыбалка, заготовка орехов, обряды: *Работали с малого до старого... Сам работал в трехупряжке. Лен дергали, хлеб вручную пололи, когда еще лет по 7–8 бы-*

ло... Помню в 37-м много хлеба: отец, мать, старший брат – все работали в колхозе....

В речевом жанре автобиографического рассказа существует особый сценарий, фиксирующий набор тем: это сообщения о дате и месте рождения, о родителях, сестрах, братьях, о возможных перемещениях, переездах семьи, о событиях в личной жизни, о сферах деятельности, о детях, их судьбе, о жизни в настоящее время.

Гендерное описание речевых жанров дает возможность увидеть тематическую специфику, особенности жанрового структурирования, набор жизненных ценностей, гендерно маркированных. Мужские тексты характеризуются б**о**льшей детализацией информации о работе, о войне, меньшая часть высказываний посвящена теме семьи. Женщины главным образом рассказывают о создании семьи, о жизни семьи, о работе. Их тексты содержат большее количество оценочных высказываний. Мужские тексты являются в большой степени фактологическими и характеризуются точностью за счет использования географических названий, дат с указанием года, дня, месяца того или иного события.

Миромоделирование проявляется в специфике самой коммуникативной ситуации. Рассказывая о том или ином событии прошлого, информант пытается его представить таким образом, будто это событие происходит здесь и сейчас: *А потом, когда началась война, меня вызывают в контору и говорят: «Вот, девочка, ты пойдешь помощником капитана. Как мне эта профессия нравилась! «Ну что ж, – говорю, – пойду». И пошла к такому капитану (Том. Колп.); Мы с Гришкой спали, товарищи коммунисты пришли ночью, у нас подушки из-под голов повытаскали, вот раскулачивать так раскулачивать, я проснулся – какие-то узлы под головой, Гришка встал тоже, смотрим: подушки нет ни у него, ни у меня, ха! куда девалось? мама тут является, говорит: «А ночью коммунисты были ...» (Том. Первомайск.).*

Происходит совмещение ситуации-темы общения с ситуацией текущего общения. В этом заключается одна из специфических черт диалектного общения [3]. Поэтому в текстах-воспоминаниях часто используются, перемежаясь, глаголы в форме прошедшего и в форме настоящего времени. Такое наложение временных пластов влечет за собой и пространственные совмещения.

Пространство и время – две важнейшие категории, воплощенные в исследуемых жанрах. Это координаты, в которых существуют человек и окружающий его мир, с помощью которых человек определяет свое место в мире, идентифицирует себя и «моделирует» мир во время рассказа.

Человек находится одновременно в пространстве и времени своей жизни и в «большом» пространстве и времени: в рассказах-воспоминаниях наблюдается переплетение индивидуальной и общей истории (истории страны). Рассказ-воспоминание и автобиографический рассказ требуют постоянного переключения временных пластов: от настоящего к прошлому, от прошлого к настоящему, от близкого прошлого к более далекому прошлому (давно прошедшему). Такая смена времен обычно происходит через членение жизненного пути человека на временные отрезки, выражаемые посредством числительных, местоимений, наречий, существительных (*раньше, позже, тогда,*

сейчас, год, день, месяц, время, пора и др): *В сороковом году у меня девчонка народилась, а через восемь месяцев война началась... (Том. Бат.); Ну пришла пора на пенсию уходить, а на пенсию не оформляют, стаж неполный... (Том. Б. Яр).*

В высказываниях используются не только лексические единицы со значением темпоральности, точные даты, обозначающие год, месяц того или иного события, но и различные описательные обороты с семантикой времени: *Уже после смерти маминой, дед к нам реже ходил... (Том. Тогур); Родился я и почти всю свою жизнь прожил в этом селе (Том. Бат.).* Мерилом времени могут служить события личной жизни говорящего: *В год, когда мне замуж выйти, я два куля смородины насушила и два сырой набрала... (Том. Колп.).*

Измерение времени осуществляется через общие события, значимые для всего социума, оказавшие влияние на ход жизни каждого человека: *Как началась война, меня послали в школу специальну, на командира учиться... (Том. Никольск.); Прожила я всю жизнь в колхозе этом, а в пятьдесят третьем году я ушла из колхоза, как Сталин умер, вот... (Том. Б. Яр).*

Для обозначения времени используются двойные номинации: точная датировка события и название праздника: *А я с пятнадцатого, мне вот семьдесят три исполнится двадцать первого ноября, в Михайлов день (Том. Зыр.).*

Г.В. Калиткина указывает на континуальную и точечную интерпретацию явлений действительности, переживаемых или уже пережитых индивидом. Исследователь отмечает, что «...в силу своей значимости для говорящего некие факты / состояния / феномены жизни, независимо от их единичности / повторяемости, интерпретируются как маркёры локализации во временном потоке, при этом ничем не отличаясь от собственно лексических временных маркёров» [4. С. 88].

Анализ категорий времени и пространства сквозь призму речевых жанров позволяет выявить способы структурирования мира в сознании диалектоносителей посредством членения на фрагменты с помощью временных маркеров, избирательности запоминаемых и вновь переживаемых событий.

Особая концептуализация памяти является характерной для обоих речевых жанров. Все, о чем сообщает диалектоноситель, находится в ментальном пространстве – в памяти. Поэтому, выстраивая текст, информанты так часто используют глаголы «помнить», «вспомнить» и конструкции со словом «память». Н.А. Николина отмечает, что единицы семантического поля «память» в автобиографических текстах являются конструктивным жанрообразующим элементом. Эти единицы различны по характеру употребления и неоднородны [5. С. 39]. *Замуж вышла в таку же семью, плохо жила, как вспомню, так слёзы брызжут из глаз, сами текут, никто не просит... (Том. Бат.); Уж и не помню почто Марфой стали звать... (Том. Бат.).* Жанрообразующим элементом единицы семантического поля «память» являются и для речевого жанра воспоминания: *Ссыльных я помню, которы с отцом были, остались которы здесь, поженились и остались.* Эти единицы и другие им подобные маркируют речевой жанр воспоминания (более подробно см. об этом [6]).

Дискурсивная обусловленность анализируемых жанров выражается не только на уровне тем, раскрываемых в речевых жанрах, и особой концептуа-

лизацией памяти, но и на уровне экспликации ценностной картины мира. Вспоминая прошлое, информанты сравнивают его с настоящим временем, в котором живут сегодня, подвергают оцениванию: *Раньше работать негде было, и люди бедствовали оттого что работать негде, а сейчас совсем всё по-другому... (Том. Б. Яр).*

Аксиологическая картина мира репрезентируется через использование сравнительных конструкций и сопоставительных структур типа «Раньше ..., теперь», «Тогда ..., сейчас» и подобных им.

О значимости оппозиции «прежде / теперь» свидетельствует наличие большого количества диалектных вариантов общерусской лексемы *теперь: теперька, теперика, топерик, топерика, топерька, топерича, теперича, теперьча, топерича, ерича, топеричи, топерьчи, теперя, топерь, топеря.* На важность временного сопоставления для диалектоносителей указывает частотность употребления анализируемой лексемы. Так, по данным «Вершининского словаря», лексема «теперь» в значении «в настоящее время, в данный момент» встречается 722 раза. Отметим также, что анализируемая лексическая единица и ее варианты функционируют преимущественно в речи старшего поколения, представляющего третий социально-речевой тип, характеризующийся как традиционный (архаический), с наибольшим количеством диалектных элементов.

Идеальная модель прошлого мира является многопараметровой. В зону идеализации попадают объекты этической, эстетической, социальной, бытовой, профессиональной сфер. Чаще всего в зоне осмысления оказываются нормы нравственного поведения (прежде всего поведения женщин): *Раньше реденька проступится, топерьчи распушены (о девушках) (Том. Верш.); А чё топерика: девки самокрутки, бабы простоволоски (Том. Верш.).* В сфере межличностных отношений объектом ностальгии является утрата семейных ценностей, традиционных устоев: *Раньше дружно жили, а сейчас. Отдельная квартира, а мира нету; Осподь! Раньше дружбы не было. Топерь ходют, сойдутся, вдруг и разойдутся (Том. Верш.).*

Эстетическому осмыслению подвергается речевая сфера. С этой точки зрения ныне существующий вариант наименования оценивается как более престижный в системе координат «культурно»/«некультурно»: *Ну, а раньше* [бусы] *звали «гагадки»… А теперича культурно назвали «бусы»* (Том. Верш.).

В социальной сфере в качестве абсолютной ценности признается образование: *Это сечас председатели… директора с высшим образованием, а тода – два класса, да и все. И урожая было больше* (Том. Верш.).

В производственной сфере положительно оценивается техническое развитие: *Раньше ведь чё? Машин-то не было. Машин-то не было. Конь; запрягат коня председатель, и пошел по полям.* Вместе с тем в диалектном дискурсе постоянно отмечается, что улучшение в материальной, бытовой, социальной сферах не влечет за собой развития этической сферы. Причины неуспеха в профессиональной сфере диалектоносители объясняют утратой морально-нравственных качеств: *Сам народ избаловался, сам народ. Раньше народ был более, более-менее, как сказать?... и неграмотны были, но были скромнее, и умнее, и заслуженнее* (Том. Верш.). В первую очередь это связано с изменением отношения к труду как основе бытия и высшей ценности: *А*

комбайны были «Коммунар» да «Сталинец». А теперь, язви тебя, вон каки комбайны, и хлеб не могут убрать (...) Мы могли работать… бросить работать в пять часов? До часу ночи, пока роса не упадёт. А теперь чё? (Том. Верш.).

Прошлое оценивается информантом отрицательно в том случае, если говорящий испытывает его негативное влияние в данный момент. Как правило, речь идет о последствиях, связанных со здоровьем: *Я босиком ходила, а от сейчас посмотрите, кака нога от. Эта вот уже опухает тоже, а это вот какая нога. Вот и детство, босиком ходили, не в чем было (Том. Верш.).*

Часть высказываний являются безоценочными, нейтральными по отношению к оппозиции «раньше» / «теперь», в них фиксируется экзистенциальное отношение носителей диалекта к прошлому как невозвратно прошедшему, смирение с неизбежным ходом времени: *Иногда вот раньше-то огуречики, помидорки продавали на базаре, а топеричи вот дома сидим* (Том. Верш.).

Таким образом, прошлое с позиций настоящего времени представляется носителям диалекта неоднозначным. Признавая улучшения в бытовой, производственной сфере, информанты отмечают в то же время утрату этических и моральных ценностей. Отражением диалектной специфики восприятия окружающего мира является его экзистенциальная составляющая.

Центральное место в ценностной модели мира, отражённой в речевых жанрах воспоминания и автобиографического рассказа, занимают работа, жизнь и связанные с ней нравственные, социальные и материальные ценности: семья, дом, материальный достаток, здоровье, молодость, отношения с родственниками и близкими людьми, отсутствие войны [7]. Анализ когнитивной специфики диалекта позволяет выявить, с помощью каких когнитивных моделей структурируется мир в сознании диалектоносителя.

«Работа» и «жизнь» – жанрообразующие концепты речевого жанра автобиографического рассказа и ключевые для диалектной культуры. Понятие «жизнь» структурирует рассказы о себе, жизнь делится на периоды, которые автор может сравнивать в процессе повествования. Осмысливая прожитую жизнь, диалектоносители рассматривают альтернативные варианты ее проживания, выстраивают иной жизненный сценарий: *Я говорю, чтоб я щас оздоровела, мне тоё все дали в руки, я б еще лучше своих детей кормила. Как я тогда, я тогда не умела совсем, теперь научилась я. Еще жалею, что мало у меня детей, надо было больше, теперь жалею, надо было мне больше родить, а я мало, что четверо? У моёй золовки восемь, она вырастила, и мне надо было хоть бы семь, хоть бы шесть, можа б другая доченька была, а то вот одна доченька, три сыночка, а доченька одна (Том. Первомайск.).*

Поскольку неотъемлемой частью крестьянской жизни является труд, жизнь часто представляется в диалектной речи как понятие, синонимичное работе: *Потом возвернулся с армии, опеть сюда же, в Баткат. Занялся своим хозяйством. Наша крестьянска жизнь – пашня (Том. Бат.).* В связи с тем, что труд занимает большую часть жизни, он становится образом жизни, а жизнь, таким образом, проходит в постоянной работе, ей посвящено иногда все время (*работали по дню и по ночи)*. Н.В. Орлова при рассмотрении этики простого человека по данным «народных мемуаров» отмечает, что работа,

труд – «не просто одна из моральных ценностей, но важнейшая смысложизненная категория. В многочисленных смысловых и речевых вариациях демонстрируется взаимопроникновение концептов «жить» и «работать» [8. С. 189]. Труд представляет собой ценность, поскольку работающий человек своей деятельностью обеспечивает себя и семью. Материальный достаток напрямую зависит от качества работы: как человек работает, так и живет: *Народ-то хорошо стал жить, и мы в том числе, работали хорошо и жили хорошо (Том. Б. Яр).*

Таким образом, отметим, что речевые жанры отражают фрагменты действительности и обладают дискурсивной спецификой. Типичными для диалектной речи являются речевые жанры воспоминания и автобиографического рассказа. Их миромоделирующая функция выражается в особой концептуализации памяти, способах структурировании фрагментов действительности посредством тематических, композиционных характеристик и в экспликации ценностной картины мира диалектоносителей, моделируемой через концепты «жизнь» и «работа».

Литература

1. *Слышкин Г.Г.* Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград: Перемена, 2004. 340 с.

2. *Демешкина Т.А.* Лексикографическое направление в Томской диалектологической школе: Итоги и перспективы // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2011. №3 (15). С. 31–38.

3. *Гольдин В.Е.* Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1997. 52 с.

4. *Калиткина Г.В.* Локализация в континууме прошлого в вершининском говоре // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии: межвуз. сб. ст. Томск, 1998. С. 79–89.

5. *Николина Н.А.* Поэтика русской автобиографической прозы: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2002. 424 с.

6. *Демешкина Т.А.* Теория диалектного высказывания: Аспекты семантики. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 190 с.

7. *Волошина С.В.* Речевой жанр автобиографического рассказа (на материале диалектной речи) // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2010. № 2 (10). С. 5–10

8. *Орлова Н.В.* Наивная этика: лингвистические модели (на материале современного русского языка). Омск: Вариант-Омск, 2005. 266 с.

9. *Вершининский словарь*. / гл. ред. О.И. Блинова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. Т. 6: Р–С. 454 с.

10. *Иванцова Е.В.* Живая речь русских старожилов Сибири: сб. текстов. Томск, 2007. 104 с.